

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2014.005>

Юлия Кантор
(Rosyjski Państwowy Uniwersytet
Pedagogiczny im. A. I. Hercena
w Sankt Petersburgu, Rosja)

Дело „О военно-фашистском заговоре в РККА”: резонанс и последствия в СССР и за его пределами

Słowa kluczowe: Robotniczo-Chłopska Armia Czerwona; represje w Związku Radzieckim; czystka w wojsku (1937–1938); straty osobowe radzieckiego dowództwa wojskowego; marszałek Michaił Tuchaczewski; stosunki radziecko-niemieckie; druga wojna światowa

Keywords: The Workers' and Peasants' Red Army, repression in the Soviet Union; the purge of the army (1937–1938); the personal losses of the army leadership; the marshal Mikhail Tukhachevsky; the Soviet-German relations, the Second World War

Дело „О военно-фашистском заговоре в РККА”¹, в 1937 году сфабрикованное НКВД „с подачи” партийно-государственного руководства СССР, против крупнейших военачальников, имело колоссальный международный резонанс. За происходившим пристально следила Германия. Колоритные воспоминания оставил гитлеровский министр пропаганды Йозеф Геббельс. Два дня спустя после казни Михаила Тухачевского и других военачальников, 15 июня 1937 года,

---

¹ Рабоче-крестьянская Красная армия. О деле „О военно-фашистском заговоре в РККА” см: Ю. З. Кантор, *Война и мир Михаила Тухачевского*, Москва 2005; eadem, *Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии. 20–30-е гг.*, Москва 2014; С. Минаков, *Сталин и его маршал*, Москва 2004; Л. М. Млечин, *Иосиф Сталин, его маршалы и генералы*, Москва 2004.

он зафиксировал в дневнике: „Кровавые приговоры в Москве ужасают. Там уже ничего не разберешь. Там все больны. Это единственное объяснение происходящего там. Огромное потрясение во всем мире”². На следующий день: „Бойня в Москве вызывает большое потрясение во всем мире. Говорят об очень серьезном кризисе большевизма [...] Россия терпелива”³. Днем позже: „Пляски смерти в Москве возбуждают отвращение и негодование. Опубликованный список расстрелянных за короткое время показывает всю глубину болезни”⁴.

Внутри страны карательная работа велась в заданном Иосифом Сталиным направлении. 21 июня 1937 года был издан совместный приказ Народного комиссариата обороны (далее: НКО) и Народного комиссариата внутренних дел (далее: НКВД) „Об освобождении от ответственности военнослужащих участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем ими совершенном и своих сообщниках”⁵. Этот приказ был доведен до сведения личного состава армии и флота. Он закономерно усилил поток доносов, способствуя деморализации военнослужащих.

Военные при службе в частях и перемещениях из округа в округ, из соединения в соединение всегда получали аттестации. Они подписывались старшими военачальниками. И как только подписавшего такой документ командира арестовывал НКВД, положительная оценка, данная подчиненному, становилась уликой, и даже приговором для последнего.

Третий Рейх ждал деталей. Военный атташе Германии в Москве Эрнст Кестринг 21 июня 1937 года докладывал в Берлин: „Секретно. О закулисной сути процесса М. Тухачевского и других пока что ничего достоверного сказать не могу. Мне нужно некоторое время, чтобы узнать подробности. Если это вообще возможно, т.к. изоляция иностранцев, – в особенности, естественно, немцев, – теперь абсолютна. Невозможен никакой разговор с кем-либо из русских. С каждым днем возводимая вокруг Советского Союза китайская стена становится все мощнее и выше. Таким образом, об истинных причинах процесса пока сказать ничего нельзя. Мои впечатления таковы:

² Bundesarchiv Koblenz, 37 NL. 118/64. fol. 1, Joseph Goebbels, Tagebuch, s. 287

³ Ibidem, s. 289.

⁴ Ibidem, s. 291.

⁵ В. Карпов, *Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира*, „Знамя” 1989, № 10, s. 38–39.

- а) В шпионаж расстрелянных не верят ни иностранцы, ни широкие массы местного населения.
- б) 8 осужденных были лицами, имевшими доверие. Возможно, они пытались контактировать с Германией, не из любви к нам, а потому, что понимали, какая опасность грозит их стране [...] в случае военного развития может им угрожать с нашей стороны”⁶.

Кестринг, отлично знавший ситуацию в советской России, приходил к логичному выводу: „Подозрительность Сталина и всех против всех была достаточной для их приговора. Кроме того, Сталин [...] знал, как вокруг таких личностей, как Тухачевский, в стране может выкристаллизоваться круг из множества недовольных. Самое надежное – «ликвидировать». Мертвые не могут навредить. Итак, голова с плеч! [...] Наблюдаемая повсеместно неуверенность, недоверие каждого к каждому воздействуют на дееспособность армии вредоносно. Расстрелянные имели, однако, своих приверженцев. Преследование мнимых шпионов и вредителей, находившихся с ними в связях, становится все более расширяющимся, как и в других структурах. Вновь созданные Военсоветы пытаются доказать свою необходимость”⁷. И резюмировал: „Очевидные факты, что грубые руки подозрительного политика, разрушающе действуют на лучшее, армию, можно только приветствовать”⁸.

Состояние советской армии после 1937 года – предмет пристального внимания Адольфа Гитлера. Геббельс зафиксировал в дневнике: „01.07.37. Фюрер разговаривал с нашим послом в Москве Шуленбургом. Шуленбург дает мрачную картину России. Террор, убийства, интриги, предательство, коррупция – и только. И это государство трудящихся! Много рассказывал и делился впечатлениями. Фюрер смеялся от всего сердца [...] 10.07.37. Разговор с фюрером. Он (Гитлер) не может себе объяснить ситуацию в России. Сталин болен мозгами. Иначе нельзя объяснить его кровавый режим. Но Россия не знает (не хочет знать), ничего кроме большевизма. Это – опасность, которую мы должны пресечь”⁹.

Смещенный к началу Второй мировой войны со всех постов (из-за „недостойной” женитьбы на молоденькой танцовщице), бывший ко-

⁶ *General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941*, Bearb. H. von Teske, Frankfurt am Main 1965, s. 180.

⁷ *Ibidem*, s. 181.

⁸ *Ibidem*.

⁹ Bundesarchiv Koblenz, 37 NL. 118/64. fol. 1, s. 331.

мандующий Вермахта Вернер фон Бломберг, в 1943 году в воспоминаниях, возвращался к „Делу военных”: „Им предсказывали большое будущее, но вместо этого пришли репрессии. Мы так до сих пор и не узнали, почему Сталин учинил эти массовые убийства в высшем командовании армии. Поводом послужило обвинение в предательских контактах с заграницей, причем имелась в виду главным образом Германия. В этом нет и тени правды. Потому что, даже если бы нечто подобное было в действительности, я как главнокомандующий, должен был бы об этом знать. Ни малейшей попытки в этом отношении нами сделано не было. Имели ли место внутривластные заговоры, мне не известно. Мне такое толкование представляется неправдоподобным. Ближе к истине лежит предположение, что Сталин убрал людей, которые не признавали его тиранического единовластия, и от которых он мог ожидать последнего сопротивления. Я называю имена, которые вновь всплыли в моей памяти: Блюхер, Тухачевский, Уборевич. Конечно, этот ряд имен далеко не полный. Просто именно эти люди произвели на меня лично сильнейшее впечатление”¹⁰.

К. Шпальке, высокопоставленный сотрудник немецкого Генштаба, уже в послевоенное время вернулся к анализу „Дела военных”: „Пункт обвинения – «конспиративные связи с фашистскими офицерами» был [...] совершенно абсурдным [...]. Было совершенно невероятно выдвигать подобное обвинение в связи с Германией, так как за время моей многолетней деятельности в отделе «Иностранные войска» ни разу не случалось, чтобы кто-либо из русских командиров, бывших, скажем, откомандированными на маневры рейхсвера, отвечал даже на самое пустяковое письмо в неслужебном порядке, если он вообще отвечал. Просто-напросто не было никаких отношений между рейхсвером и Красной Армией, которые не находились бы под контролем [...]”¹¹.

Андрей Жданов на торжественно-траурном заседании в январе 1938 года, посвященном 14-й годовщине со дня смерти Владимира Ленина, подчеркнул: „1937 год войдет в историю выполнения ленинских заветов и предначертаний как год разгрома врагов народа”¹². Лучше и не скажешь.

¹⁰ Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg, №52/2 (Blomberg: Lebenerinnerungen – handschriftlich), Bd. 3, s. 152–153.

¹¹ *Источники истории о Михаиле Тухачевском*, „Гутен Таг” 1988, № 10, s. 38.

¹² „Партийно-политическая работа в РККА” 1938, № 3, s. 73.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (далее: РГАСПИ) сохранилась стенограмма совещания политработников РККА, проходившего 3 – 4 августа 1937 года.

т. Смирнов (начальник политуправления РККА): Политическое настроение нашей РККА прочное и хорошее.

[...] Мы уже проделали за последнее время порядочную работу. Всего из армии уволено за последние месяцы около 10 тыс. человек, и около половины из них как исключенные по политическими мотивам. Но [...] если бы мы успокоились на этом... это было бы не верно [...].

[...] Выорчевывание всей враждебной сволочи – эта задача – стоит перед нами [...].

Как реагировала РККА на раскрытие шпионских банд? Приведение в исполнение приговора над Тухачевским, Уборевичем и Якиром было встречено и рассмотрено как воля РККА [...]. Встрепенулась буквально вся РККА [...]. Сейчас десятки, сотни тысяч писем поступают [...] за последнее время поступило более 10 т. Сейчас бдительность народа безусловно поднялась.

т. Троянker (Военный совет Московского округа): В течение известного периода времени было известное напряжение у части ком.состава. Основная масса нач.состава отнеслась к этим увольнениям и к тому процессу очищения, который мы провели, совершенно правильно. Часть командиров, особенно те, которые чувствовали, что до них дойдет очередь [...] заметно нервничали [...].

У этой части наблюдалось упадочное отношение к своей работе [...]. Если в момент опубликования приговора Верховного Суда были такие настроения [...] что никому верить нельзя, настроения панические, упаднические, [...] в основном эти настроения сейчас прекратились¹³.

И все же, несмотря на бодряческие реляции, падение авторитета командиров и начальников невозможно было проигнорировать. На том же совещании, Петр Смирнов (сменивший на посту начальника Политуправления Яна Гамарника) отметил, что на общем положительном фоне „есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут, главным образом, по

---

¹³ ЦК ВКП(б), Совещание политработников РККА, РГАСПИ, ф. 17, оп.165, д. 62, л. 7–29, 63–64.

линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета огульно командирского состава [...]. Элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей [...]. Число дисциплинарных проступков очень велико. С 1 января 1937 года по 1 мая 1937 года мы имеем здесь астрономическую цифру – 400 тысяч¹⁴.

Еще несколько „астрономических” цифр, свидетельствующих о катастрофическом изменении психологического климата в вооруженных силах страны. По данным Главного управления РККА, количество самоубийств и покушений на самоубийство во втором квартале 1937 года по сравнению с первым кварталом того же года выросло в Ленинградском военном округе на 26,9 процентов, в Белорусском военном округе – на 40, в Киевском военном округе – на 50, в Особой Краснознамённой Дальневосточной армии – на 90,9, на Черноморском флоте – на 200 процентов¹⁵.

Если за период, предшествовавший „Делу военных”, с 1 января по 15 марта 1937 года, в Военно-воздушных силах (далее: ВВС) было 7 катастроф и 37 аварий, во время которых погибло 17 человек и ранено 9, то в 1938 год за такой же период произошли 41 катастрофа и 55 аварий, в которых погибло 73 человека и ранено было 22¹⁶. Всего по РККА за один 1939 год во время чрезвычайных происшествий погибло 1178 и было ранено 2904¹⁷.

Репрессии не воспринимались как чрезвычайное происшествие – были обыденностью. Во время выступления члена Военного совета Северо-Кавказского военного округа Архипа Прокофьева состоялся примечательный диалог:

Сталин: А как красноармейцы относятся к тому, что были командные кадры, им доверяли и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся?

Прокофьев: Я докладывал, товарищ Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие сомнения, причем они высказывали соображения [о том, как получилось], что

¹⁴ О. Ф. Сувениров, *Всеармейская трагедия*, „Военно-исторический журнал” 1989, №3, s. 43.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem, s. 43-44.

¹⁷ Ibidem, s. 44.

такие люди, как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии.

Сталин: Ну да, партия тут прозевала.

Прокофьев: Да, партия, мол, прозевала.

Сталин: Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажем так: черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить?

Голоса с мест: Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали¹⁸.

Когда же один из следующих ораторов стал заверять Сталина, что авторитет партии, авторитет армии не подорван, Сталин прервал его и заявил: „Немного подорван”¹⁹. Вождь, вероятно, сам был ошарашен масштабами происходившего, если счел возможным публично сделать такое признание.

Репрессии шли и по национальному признаку. В конце декабря 1937 года по указанию Климента Ворошилова из округов были затребованы списки на всех немцев, латышей, поляков, литовцев, эстонцев, финнов и лиц других «несоветских» национальностей. Кроме того, Ворошилов рекомендовал выявить всех родившихся, проживавших или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах, и наличие связи с ними²⁰. Списки были, естественно, получены, и все эти командиры вне зависимости от их заслуг, партийности, участия в гражданской войне были уволены из РККА в запас. А перечни уволенных подлежали направлению в НКВД.

Обращает на себя внимание речь Сталина, произнесенная в конце 1937 года на встрече с руководящим составом РККА: „Главное заключается в том, что наряду с раскрытием в армии чудовищного заговора продолжают существовать отдельные группировки, которые могут перерасти в определенных условиях в антипартийные, антисоветские группировки. В данном случае идет речь о такого именно рода группировке, которую мы имеем в лице Егорова, Буденного и Дыбенко. По моему, Тимошенко здесь схватил суть этой группировки правильно. Это не группировка друзей, а группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии,

¹⁸ Ibidem, s. 43.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ В. Карпов, *op. cit.*, s. 39.

а может быть и политикой партии. Тут многие товарищи говорили уже о недовольстве Дыбенко, Егорова и Буденного. (Любопытно, что в числе опальных фигурирует и Буденный. Однако, как показали последующие события, ему, в отличие от Егорова и Дыбенко, удалось «выкрутиться» – Ю. К.). Само по себе недовольство отдельными моментами отношений к ним вполне законно. Мы не против того, чтобы товарищи были недовольны теми или иными фактами. Не в этом дело. Важно, чтобы они пришли и вовремя сказали Центральному Комитету, что тем-то и тем-то мы недовольны²¹. В сталинском спиче слышен внятный отсыл к делу военных: Тухачевскому в июне 1937 года инкриминировали формирование группировки из людей, недовольных своим положением в армии. „Недовольны тем, что, якобы, их мало выдвигают. Это неправильно. Нас можно упрекнуть в том, что мы слишком рано или слишком много выдвигаем и популяризируем таких людей, как Буденный, Егоров и др. Нас нельзя упрекнуть в том, что мы затираем талантливых людей. Это все неправильно”²².

Дальнейшая аргументация абсурдна как с логической точки зрения, так и с военно-политической: „Возьмем хотя бы такой факт как присвоение звания маршалов Советского Союза. Известно, что у нас 5 маршалов Советского Союза. Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал, и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание. Законно заслужили звание маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно? Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом гражданской войны из народа. Вот Ворошилов – невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала. Буденный – также сын народа, вышел из глубин народа, заслуженно пользуется популярностью в народе, поэтому ему по закону присвоено звание маршала. Блюхер – прошедший все этапы гражданской войны от партизанских ее форм, до регулярной армии, также заслуженный и пользуется популярностью народа, сам вышел из народа и поэтому ему присвоено звание маршала.

²¹ „Правильная политика правительства решает успех армии”, „Источник” 2002, № 3, с. 73.

²² Ibidem.

Егоров – выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник, – он пришел к нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам, меньше имел право к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее, за его заслуги в гражданской войне мы это звание присвоили, чего же ему обижаться, чем он не популярен, чем его не выдвигает страна²³. Итак, для того, чтобы заслужить звание маршала, достаточно „неплохо воевать” (хотя, для Ворошилова и такая формулировка – большой комплимент), иметь пролетарское происхождение и пользоваться популярностью среди народа. Заметим, что наличие этих качеств не спасло от репрессий ни Василия Блюхера, ни Павла Дыбенко.

Иные думают, – продолжал Сталин, – что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника-де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе, – это также неправильно. (Сталин опять апеллирует к недавнему расстрелу военных – на этот раз он пытается убедить слушателей в «нефатальности» случившегося по его воле). Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране, поддерживают ли эту политику рабочие, крестьяне, интеллигенция. Армия ведь состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Если политикой партии довольна вся страна, довольна будет и армия. Мы против политики нейтралитета в армии. Мы за то, чтобы армия была бы теснейшими узами переплетена с политикой правительства в стране. Правильная политика правительства решает успех армии. При правильной политике техника и командный состав всегда приложатся²⁴.

Один из крупнейших исследователей советско-немецких политических контактов первой половины XX века Алан Кларк в своей знаменитой монографии *План Барбаросса* анализирует отношения армии и государства в СССР и Германии. „В России, как и в Германии, взаимоотношения армии и государства носили деликатный характер. В обеих странах перед диктатором стояла проблема дисциплины личного состава и подчинения его своим политическим целям. В обеих странах это было достигнуто, но совершенно различными путями, что в свою очередь имело далеко идущие последствия. Гитлер взял верх

---

²³ Ibidem, s. 73–74.

²⁴ Ibidem, s. 75.

над своими генералами искусным маневрированием и через несколько лет добился их исключения из области политики, где до этого они целых полвека правили, как арбитры. Затем подкупами, лестью, запугиванием он переключил их энергию и опыт в единственную область – обеспечение высокой боеготовности [...]. Но русский офицерский корпус не был изолирован, он был раздавлен. После чисток Красная армия стала покорной до идиотизма; преисполненной чувством долга, но не имеющей опыта; лишенной политического веса или притязаний ценой утраты инициативности, склонности к эксперименту или нововведениям²⁵. Да и как не быть покорной до идиотизма? „Если вы пойдете в противоречие с политикой партии и правительства, если вы эту политику не признаете, – народ вас сметет, выгонит и не задумается над тем, что маршалы Вы или нет, хорошие ли вы командиры или плохие. При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств, у которых политика неправильная, политика которых не поддерживается в армии массой солдат²⁶.”

Свирепые заклинания Сталина никоим образом не обманывали заинтересованных наблюдателей извне. „Красная армия представляла загадку для западных разведывательных служб, в том числе и Германии. Ее оснащение, по всем данным, было впечатляющим [...], но насколько способны его применять советские командиры? Ее резервы живой силы казались неисчерпаемыми, но одна солдатская масса не имеет ценности при отсутствии надлежащего руководства, а коммунистические приспособленцы, отобранные по признаку политической надежности, будут так же беспомощны на поле боя, как дворцовые фавориты в окружении царя. Даже прирожденная храбрость и стойкость русского солдата, проявленные в ряде европейских войн, по мнению некоторых специалистов, были подорваны идеологической обработкой²⁷.”

Упомянутую загадку в Германии разгадали, с удовлетворением отметив в секретном докладе разведотдела Генерального штаба сухопутных войск Германии 15 января 1941 года: „В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 г. Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стали 60–70% старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «выс-

²⁵ А. Кларк, *План „Барбаросса“*. Крушение Третьего рейха. 1941–1945, пер. с англ. Н. Б. Черных-Кедровой, Москва 2002, s. 48.

²⁶ „Правильная политика правительства решает успех армии”, s. 75.

²⁷ А. Кларк, *op. cit.*, s. 34.

шим военным эшелон» (от главнокомандования до командования армией) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей [...]. Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями²⁸.

Начальник германского генштаба генерал Людвиг фон Бек, оценивая военное положение летом 1938 года, сказал, что с русской армией можно не считаться как с вооруженной силой „ибо кровавые репрессии подорвали ее моральный дух, превратили ее в инертную машину”²⁹.

Ворошилов, выступая на заседании Военного совета при НКО СССР 29 ноября 1938 года не преминул коснуться темы репрессий в РККА, сохраняя, при этом оптимистическую тональность. „Когда в прошлом году, – заявил он, – была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937-й и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили [...].

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА [...]. Чистка была проведена радикальная и всесторонняя [...] с самых верхов и кончая низами [...]. Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав”³⁰.

Эпидемия арестов в армии в 1938 году превзошла по размаху год 1937-й. Из 845 человек, входивших на 1 января 1938 года в высший комначсостав РККА (от комбрига и выше), и 269 человек – в высший политсостав (от бригадного комиссара и выше), на протяжении 1938

---

²⁸ А. С. Якушевский, *Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР*, „Военно-исторический журнал” 1989, № 5, с. 74.

²⁹ См.: Л. Никулин, *Тухачевский: Биографический очерк*, Москва 1964, с. 194.

³⁰ *Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами т.т. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре*, „Военно-исторический журнал” 1993, № 2, с. 73.

года были арестованы 2 маршала Советского Союза, 2 командарма 1-го ранга, 1 (единственный в то время) флагман флота 1-го ранга, 1 (единственный в тот период) армейский комиссар первого ранга, 2 последних командарма 2-го ранга производства 1935-го года, 20 комкоров, 3 флагмана 1-го ранга, 13 корпусных комиссаров, 49 комдивов, 36 дивизионных комиссаров, 97 комбригов³¹.

За 1937-1938 годы были сменены все (кроме Семена Буденного) командующие войсками округов. 100% заместителей командующих округов и начальников штабов округов, 88,4% командиров корпусов и 100% их помощников и заместителей; командиров дивизий и бригад сменилось 98,5%, командиров полков – 79%, начальников штабов полков – 88%, командиров батальонов и дивизионов – 87%; состав облвоенкомов сменился на 100%; райвоенкомов – на 99%³².

Всего в 1937 и 1938 годах из армии и военно-морского флота было уволено около 44 тысяч человек командно-начальствующего состава. В том числе более 35 тысяч из сухопутных войск, около трех тысяч из военно-морского флота и более 5 тысяч из ВВС. Почти весь высший и старший командный состав и политические работники этого уровня были после ареста расстреляны, а многие умерли в заключении³³.

Катастрофичность происходящего была очевидна даже многим членам сталинского Военного совета. Смелость признать эту очевидность впоследствии стоила им жизни.

Дыбенко(Л[енинградский]ВО): частью дивизий командуют сейчас бывшие майоры, на танковых бригадах сидят бывшие капитаны.

Куйбышев (Зак[авказский]ВО): У нас округ обескровлен очень сильно.

Ворошилов: не больше, чем у других.

Куйбышев: А вот я Вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареями.

Ворошилов: Зачем же вы его поставили?

³¹ Ю. В. Рубцов, *Маршалы Сталина*, Ростов-на-Дону 2002, s. 52 (серия *Исторические силуэты*).

³² В. Карпов, *op. cit.*, s. 42.

³³ *Ibidem*, s. 41.

Куйбышев: Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого не командовал ни полком, ни батальоном и в течение шести лет являлся преподавателем училища [...].

Буденный: За год можно подучить³⁴.

Николая Куйбышева и Павла Дыбенко расстреляли несколько месяцев спустя.

Об интеллектуальном потенциале РККА и ее профессиональном образовательном уровне в предвоенное время можно судить и по таким данным: на сборах командиров полков, проведенных летом 1940 года, из 225 командиров полков ни один не имел академического образования, только 25 окончили военные училища и 200 – курсы младших лейтенантов! В 1940-м году более 70 процентов командиров полков, 60 процентов военных комиссаров и начальников политотделов соединений работали в этих должностях около года. Значит, все их предшественники (а порой не по одному на этих постах) были репрессированы³⁵.

В Красной Армии перед войной было: из них репрессировано:

– пять маршалов Советского Союза	– трое (М. Тухачевский, А. Егоров, В. Блюхер);
– два комиссара армии первого ранга	– оба;
– два флагмана флота 1 ранга	– оба;
– два флагмана флота 2 ранга	– оба;
– шесть флагманов первого ранга	– все шестеро;
– пятнадцать флагманов 2 ранга	– девять;
– четыре командарма 1 ранга	– два;
(что соответствует современному званию генерала армии)	
– двенадцать командармов 2 ранга	– двенадцать;
– пятнадцать комиссаров 2 ранга	– пятнадцать;
– 67 командиров корпусов	– шестьдесят;
– 28 корпусных комиссаров	– двадцать пять;
– 199 командиров дивизий	– 136;
– 97 дивизионных комиссаров	– 79;

³⁴ Ю. В. Рубцов, *op. cit.*, s. 53.

³⁵ В. Карпов, *op. cit.*, s. 41.

- 397 командиров бригад
– 221;
- 36 бригадных комиссаров
– 34³⁶.

В целом в период сталинских репрессий было истреблено высшего и старшего командного состава больше, чем СССР потерял за все четыре года Великой Отечественной войны³⁷. В письме всемирно известного публициста Эрнста Генри к Илье Г. Эренбургу есть характерные строки: „Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин”³⁸.

Та же точка зрения отражена, в частности, и в посвященной советско-немецким отношениям 1933-1941 годов книге авторитетного западного исследователя Филиппа Фабри: „Ни в одной войне, даже Второй Мировой, ни одна страна не потеряла такое количество высшего и среднего командного состава. Даже капитулировавшие страны – Германия и Япония – потеряли значительно меньше. Даже если бы произошел полный военный обвал, он не смог бы привести к таким потерям”³⁹. Потому, если, по мнению А. Кларка, перед чисткой Красная армия представляла собой мощный, ориентированный на новые цели, прекрасно оснащенный организм, то после репрессий „нововведения пошли черепашьям темпом; техника исчезла [...] те выработанные рефлексы, которые могут оживлять массу и делать ее грозной силой, были уничтожены”⁴⁰.

³⁶ Ibidem, s. 40.

³⁷ Подробнее о репрессиях в РККА см.: В. С. Мильбах 1) *Политические репрессии командного состава ЗабВО и 57-го особого корпуса (1937-1938)*, Иркутск 2002; 2) *Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг.*, Санкт-Петербург 2007; 3) *Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот*, Санкт-Петербург 2013; 4) *Амурская Краснознаменная военная флотилия. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг.*, Санкт-Петербург 2012; 5) *Сибирский военный округ. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг.*, Санкт-Петербург 2012; А. М., Григорян, В. С. Мильбах, А.Н. Чернавский, *Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ*, Санкт-Петербург 2013.

³⁸ „Дружба народов” 1988, № 3, s. 234.

³⁹ P. Fabry, *Die Sowjetunion und das deutsche Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941*, Stuttgart 1971, s. 331.

⁴⁰ А. Кларк, *op. cit.*, s. 41.

Страна осталась с обезглавленной и деморализованной армией и фактически остановленными перспективными военно-научными исследованиями. В частности, практически был „прикрыт” Реактивный Научно-исследовательский институт, основанный по приказу Тухачевского в 1933 году. Репрессиям подверглись Андрей Туполев и Сергей Королев и еще сотни изобретателей и инженеров-конструкторов. Потому знаменитые „катюши” появились на фронте только в 1942, потому основной авиационной единицей к началу войны был фанерный У-2. Характерный пример: до 1937 года испытания новейших технических средств противовоздушной обороны (далее: ПВО) проходили под Москвой, где по предложению Тухачевского была создана специальная зона ПВО. Она была ликвидирована вскоре после его ареста. К идеям Тухачевского вернулись только 9 июля 1941 года когда Государственный комитет обороны принял решение „О противовоздушной обороне Москвы”, а 9 ноября – „Об усилении и укреплении противовоздушной обороны Советского Союза”. Тухачевский уделял больше внимание развитию бронетанковых и механизированных войск. В начале марта 1932 года под его руководством состоялось заседание комиссии по реализации большой танковой программы. Было решено внести изменения в существующую организацию механизированных бригад и корпусов. В частности, в корпусе предполагалось иметь две-три механизированные бригады, один-два пулеметно-стрелковых батальона на транспортерах. К сожалению, это предложение в последующем было забыто. В июне 1940 года началось формирование механизированных корпусов, включавших две танковые и одну моторизованную дивизию, мотоциклетный полк и 1031 танк. Эти громоздкие соединения оказались трудноприменимыми применимыми боях.

Из допроса Витовта Путны от 2 июня 1937 года:

В период пребывания Тухачевского в Лондоне и на обратном пути в СССР Тухачевский имел со мной ряд бесед, в которых сообщил, что теперь после прихода к власти Гитлера [...] военное положение СССР на западном театре резко ухудшилось, и СССР может быть разгромлен [...]. Тухачевский в беседах развивал вопросы соотношения сил, особенностей театра военных действий, значение отдельных оперативных направлений и роль различных родов войск (конница, авиация, мото-мехсилы и т.д.) в войне. Он доказывал, что обстановка на случай войны изменилась по сравнению с 1927-1931 гг. [...] что против СССР будут действовать [...] резко повысившиеся и продолжающие

прогрессировать мобилизационные способности Германии (в прошлом резко отстававшей в этом деле в связи с версальскими соглашениями). Он допускал, как вполне реальную, мысль, что Франция, в случае вооруженного выступления коалиции европейских держав против СССР не выполнит своих обязательств перед последним и СССР, в лучшем случае имея действующего союзника в лице Чехословакии, вынужден будет принять на себя удар⁴¹.

А на Лубянке лежал „План поражения”, написанный перед расстрелом маршалом Тухачевским. На протяжении всего следствия с бесконечными, круглосуточными допросами и очными ставками он все пытался говорить об опасности, которая угрожает СССР после прихода к власти Гитлера. Тухачевскому дали сутки для написания „признаний”. И он нарисовал четкую картину захватнических планов Гитлера и их мотивировок, практически безошибочно определил основные направления наступления вермахта в 1941-м и основные стратегические цели фашистов на каждом из них.

Писал своим обычным, узнаваемым стилем, так контрастирующим с косноязычием стенограмм допросов и машинописных „собственно-ручных признаний”. Графологическая экспертиза „Плана поражения” констатировала: „Признаки выполнения в необычном состоянии выражены достаточно объемно, но при этом доминирует *заинтересованность автора предметом излагаемого материала* (курсив мой – Ю. К.), поэтому дополняются такими признаками, как наличие ретуши, зачеркиваний, исправлений путем дописки или дорисовки отдельных элементов букв, подчеркивания «важных» фрагментов текста. (Авторский текст)”⁴². „Тухачевский называл векторы движений войск противника, перечислял виды его вооружений и техники, предлагал действенные «рецепты» контрударов, сопоставлял воззрения на оперативную обстановку и результаты военных игр других военачальников, подробно анализируя советский оперативный план [...]”.

Почерковедческий анализ выявил и большое количество „вдиктованных фрагментов”, нарушающих авторскую структуру излагаемого

⁴¹ Протокол допроса Путны В.К. от 2 июня 1937 года, ЦА ФСБ РФ, д. Р-9000 (на Тухачевского М.Н. и др.), т. „Судебное производство”, л. 205–206.

⁴² Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М.Н., подготовлено главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб и ЛО (Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

текста и искажающих ее подлинный смысловой ряд. Вот характерный пример: „Я предложил [...] облегчить немцам задачу, путем диверсионно-вредительской сдачи [...] укрепленного района [...]. Если подготовить подрыв ж.д. мостов на Березине и Днепре, то задача поражения будет выполнена еще более решительно [...]. Уборевич и Аппога получили задание иметь, на время войны, в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников”⁴³. А далее, после этой бредовой „заплаты”, – детальный анализ действий советских Белорусского, Украинского и других фронтов с учетом оперативно-стратегической обстановки и конкретными рекомендациями по выполнению реальных оборонительных задач. Тухачевскому было ясно, что „наш оперативный план не учитывает [...] главных интересов гитлеровской Германии” и „построен все так же, как если бы война ожидалась с [...] Польшей”⁴⁴.

Он писал о том, каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью господство германского фашизма.

Основной для Германии вопрос – это вопрос о получении колоний. ГИТЛЕР прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты [...].

[...] Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т.е. с точки зрения удовлетворения колониальных appetites Германии.

Немцы безусловно без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции были бы следующие: во-первых, ж.д. сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не по-

---

⁴³ „План поражения”, ЦА ФСБ РФ, д. Р-9000 (на Тухачевского М.Н. и др.), т. 1, л. 222–223.

⁴⁴ Ibidem, л. 196.

звонил бы Германии безнаказанно занять прибалтийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. [Этот театр СССР использовал сам – после пакта Молотова-Риббентропа – Ю. К.]. Однако, с военной точки зрения, такая задача может быть поставлена и вопрос заключается в том – является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград, с хозяйственной точки зрения, является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват – это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой [...].

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками, это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву [...]. Очень часто имеют место предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории. Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой задачей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию⁴⁵.

Это написано в июне 1937-го. До 22 июня 1941-го оставалось четыре года.

---

⁴⁵ Ibidem, л. 190–193.

Streszczenie

Sprawa „Zmowy wojskowo-faszystowskiej w RKKA”: oddźwięk i konsekwencje w ZSRR i za granicą

Artykuł poświęcony jest jednemu z bolesnych i mało zbadanych tematów – oddźwiękowi wywołanemu przez sprawę „Zmowy wojskowo-faszystowskiej w RKKA”, zainspirowanej przez elity polityczne z Józefem Stalinem na czele. Ofiarami tego procesu było wyższe kierownictwo Armii Czerwonej, a następnie – dziesiątki tysięcy dowódców i żołnierzy.

Na podstawie nieznanych dotąd źródeł z archiwów rosyjskich i niemieckich (w tym materiałów Niemieckiego Archiwum Federalnego w Koblencji i Centralnego Archiwum Federalnej Służby Bezpieczeństwa w Moskwie), dr Julia Kantor analizuje zarówno reakcję nazistowskiego przywództwa na „rozstrzelania w Moskwie” w czerwcu 1937 r., jak też obraz sytuacji wewnętrznej w Związku Radzieckim zaistniały po tych wydarzeniach.

Autorka zwraca szczególną uwagę na stan moralny i psychologiczny Armii Czerwonej, przedstawiając sprawozdania o „dekadenckim” nastroju wśród żołnierzy. Ponadto, co nie mniej ważne, koncentruje się na problemie gwałtownego obniżenia poziomu profesjonalizmu RKKA, biorąc pod uwagę kryzys zasobów ludzkich w szkołach wojskowych. W artykule przedstawiono również dane na temat liczby dowódców wojskowych, represjonowanych w latach 1937–1938, a także materiały dotyczące postaw politycznych, które zostały przekazane przez Stalina kierownictwu RKKA w 1938 r.

Summary

The affair of “The military-fascist conspiracy in RKKA”: resonance and consequences in the USSR and outside of it

The article is dedicated to one of the most painful and insufficiently explored topics – to the resonance, which was produced by the affair of “The military-fascist conspiracy in the RKKA”. It was inspired by party-and-state elite headed by Joseph Stalin. The Red Army’s high command and then tens of thousands commanders and soldiers were victims of that affair.

Dr Julia Kantor analyzes the Nazi leadership’s response to “shooting in Moscow” in June 1937 and also home political situation in the Soviet Union after that affair. The article is based on the previously unknown archive sources, including the materials of the German Federal Archives in Koblenz and the Central Archive of the Federal Security Service in Moscow.

The author devotes a lot of attention to the issue of moral and psychological condition of the Red Army (citing reports about “decadent” mood among commanders and soldiers) and, more importantly, to the problem of a sharp decline in the

professionalism of the RKKA, which was inducted by the human resources crisis in military schools. Also, the author presents data on the number of the repressed commanders in 1937–1938 and the materials about Stalin's political guideline, which was given to the Red Army in 1938.

Bibliografia

- Bundesarchiv Koblenz, 37 NL. 118/64. fol. 1.
 Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg, №52/2 (Blomberg: Lebenerinnerungen – handschriftlich), Bd. 3.
 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп.165, д. 62.
 Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), д. Р-9000, т. 1.
- Fabry P., *Die Sowjetunion und das deutsche Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941*, Stuttgart 1971.
General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941, Bearb. H. von Teske, Frankfurt am Main 1965.
- Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А.Н., *Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ*, Санкт-Петербург 2013.
 „Дружба народов” 1988, № 3.
Источники истории о Михаиле Тухачевском, „Гутен Таг” 1988, № 10.
 Кантор Ю. З., *Война и мир Михаила Тухачевского*, Москва 2005.
 Кантор Ю. З., *Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии. 20-30-е гг.*, Москва 2014.
 Карпов В., *Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира*, „Знамя” 1989, № 10.
 Кларк А., *План „Барбаросса”. Крушение Третьего рейха. 1941-1945*, пер. с англ. Н. Б. Черных-Кедровой, Москва 2002.
 Мильбах В. С., *Амурская Краснознаменная военная флотилия. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг.*, Санкт-Петербург 2012.
 Мильбах В. С., *Политические репрессии командно-начальствующего состава ЗабВО и 57-го особого корпуса (1937-1938)*, Иркутск 2002.
 Мильбах В. С., *Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг.*, Санкт-Петербург 2007.

- Мильбах В. С., *Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот*, Санкт-Петербург 2013.
- Мильбах В. С., *Сибирский военный округ. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг.*, Санкт-Петербург 2012.
- Минаков С., *Сталин и его маршал*, Москва 2004.
- Млечин Л. М., *Иосиф Сталин, его маршалы и генералы*, Москва 2004.
- Никулин Л., *Тухачевский: Биографический очерк*, Москва 1964.
- „Партийно-политическая работа в РККА” 1938, № 3.
- „Правильная политика правительства решает успех армии”, „Источник” 2002, № 3.
- Рубцов Ю. В., *Маршалы Сталина*, Ростов-на-Дону 2002 (серия *Исторические силуэты*).
- Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами т.т. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре*, „Военно-исторический журнал” 1993, № 2.
- Сувениров О. Ф., *Всеармейская трагедия*, „Военно-исторический журнал” 1989, №3.
- Якушевский А. С., *Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР*, „Военно-исторический журнал” 1989, № 5.